

ПАМЯТЬ – ЖИВАЯ ВОДА

«Чем полнее нравственный опыт народа входит в опыт писателя, тем вернее и глубже отражает писатель народ, тем ярче и контрастнее проходит через творчество время, его нравственные сдвиги, катаклизмы и достижения, которые есть точный слепок со всех социальных движений времени, со всех движений, взлетов и уродств, и тогда художник приближается к высшему постижению действительности — к нравственно-философскому ее освещению и пониманию». Так определяет свою творческую позицию Петр Проскурин, автор широко известных романов «Горькие травы», «Глубокие раны», «Корни обнажаются в бурю», «Исход», «Камень-сердолик» и конечно же близящейся к завершению эпопеи, куда вошли романы «Судьба», «Имя твое», «Отречение». За этими выстраданными раздумьями о возможностях художника вторгаться в стихию народного бытия — весь жизненный опыт самого Проскурина и того поколения писателей, к которому он принадлежит. Подростки, лишившиеся отцов и крова, подкладывающие кирпичи под ноги, дабы дотянуться до станка, собирающие мерзлую картошку среди заминированных фашистами полей, рано и навсегда повзрослевшие, — именно им будет суждено спустя два-три десятилетия сказать прекрасную и яростную правду о времени, о себе, о народе. Да, не скоро сядут они за письменные столы. На долгое время им уготовано иное творчество: врачевать глубокие раны войны, строить хибары на месте пепелищ, засеять зерном (вручную — из лукошка, как прадеды) израненную милую землю, вязать плоты на таежных реках, поднимать на ноги меньших братьев, учиться и учительствовать.

Широкий, воистину всенародный успех эпопеи о Захаре Дерюгине вызвал в критических статьях множество предположений и споров. Все они так или иначе были связаны с самим главным героем: как-то не очень он походил на складывающийся в начале 70-х годов образ героя «деревенской прозы» (В. Белова, Е. Носова, В. Шукшина) — образ существа кроткого, чудаковатого, предельно совестливого и все-таки... несколько социально заторможенного.

Захару Дерюгину тоже не занимать сердечной доброты, и ему внятен говор трав и журчание ручьев, и он полновластный хозяин в мастерской природы. Но при всем при том он — активный созидатель, творец. Все, к чему прикасается Захар, обретает черты значительности, завершенности.

Захар Дерюгин смел, порывист, напорист. Именно он, бедняк из бедняков, усыновляет безвестного ребенка, хотя и без того обременен малолетними детьми; именно он режет в лицо правду-матку каждому, независимо от симпатий и степени родства. Захару Дерюгину предстоит тяжкий путь испытаний — надеждой, властью, безвластием, любовью, ненавистью, войной. Вот в него стреляет в упор (и промахивается!) сбежавший из ссылки кулацкий сынок Макашин. Вот на него пишут анонимные доносы, кляузничают. Вот он с

тяжелым сотрясением мозга — подкараулили-таки враги! — лежит в больнице. Однако такого рода события — не более чем пролог в грозной драме, где ему выпадет играть главную роль.

Первооснова личной драмы героя — характер самого Захара, его органическая неспособность изворачиваться, приспособливаться, ловчить, лицедействовать, устраиваться в жизни. Он весь еще поглощен стихией гражданской войны, когда граница между добром и злом определялась не в словопрениях: тогда она лежала на острие его шашки. «Он словно перекинулся во времени назад, в восемнадцатый — девятнадцатый годы, и встречный ветер рванул ему в душу, сдирая с нее успевшую нарасти плотную корку размеренности и собственной значимости; он даже покачнулся от этого неожиданного удара». В этих скупых строках сквозит Захарова тоска по своей молодости, по всеочистительному ветру революции. Подобно огромным птицам, ищущим мощные воздушные потоки, дабы воспарить высоко над землей, он инстинктивно жаждет движения. И когда, оклеветанный, исключенный из партии, он кричит своему боевому другу и однополчанину Тихону Брюханову: «На моей беде ты Советскую власть не упрочишь, хлебные горы не сгребешь!», только тогда начинает вырисовываться истинный размах его характера. «Подобравшись, он прыгнул в дрожки и, прихватывая вожжи, ожег Чалого кнутом, выворачивая его в поле, в рожь; последовал сумасшедший бросок жеребчика, едва не выскочившего из оглобель, в лицо Захара ударил густой теплый ветер, и безмолвное неоглядное поле рванулось навстречу. Захар привстал на колени, покачиваясь, выбирая устойчивое положение, еще раз вытянул коня.

— По-ошел! — Чалый прижал уши от стонущего звериного крика, понесся непрерывными скачками».

Куда скачет правдолюбец Захар Дерюгин, зачем? Никуда и низачем. Он пытается механическим движением, его упоительной силой сшибить с себя груз мертвенного, ложного, размеренного, будничного. Но музыка гражданской войны давно отгремела, и теперь минутным порывом не изменить ему своей судьбы.

...Секретарь райкома Брюханов едет на строительство завода. Он ощущает размеренный ритм, единое напряжение большой работы, проникается порывом тех, кто, одолевая трудности, продолжает созидательное дело революции. И потом в дощатом холодном сарае, временно заменявшем клуб, Брюханов будет вглядываться в молодые, пожилые, совсем юные, доверчиво распахнутые и замкнутые лица, как никогда ощущая себя вместе со всеми в стремительном, неоглядном броске страны вперед, и эта стройка, и десятки других, подобных ей, представятся секретарю райкома «материальным выражением глубинных процессов, идущих в самом народе». Образ грядущей мирной жизни для него, бывшего красногвардейца, внятен и прост, как параграф устава: Россию,

исконно земледельческую страну с патриархальным бытом, следует повернуть на рельсы индустриализации.

...Но в том-то и противоречие, что для Захара Дерюгина мирная жизнь оказалась намного сложнее баталий гражданской войны.

Зададимся вопросом: мог ли Захар после тяжелой сцены в райкоме раскаться в содеянном, принести повинную? Вряд ли, хотя в этом кровно были заинтересованы и односельчане (колхоз под его руководством уверенно шел в гору), и Тихон Брюханов (хотя Дерюгин когда-то и спас ему жизнь, он ценил Захара прежде всего за цельность, бескомпромиссность), да и сам Захар. К сожалению, не оказалось рядом с ним сильного человека, способного растолковать, что к чему, всех подавил он диким своим темпераментом.

...Начинается медленное нисхождение Дерюгина с тех высот, на которые его вознесла молодость. Давно ли, казалось, был он в Москве, на I Всесоюзном съезде колхозников, давно ли его так любила Маня Поливанова, давно ли он спорил с начальством, председательствовал в передовом колхозе. И вдруг все как в воду кануло...

В образе Захара сфокусированы типические черты целого поколения, рожденного в пламени и громе революционных битв, до основания разрушившего старые законопорядки. О, нелегко давалась многим из них диалектика созидания. Достаточно вчитаться хотя бы в поэтическую исповедь тех лет Владимира Луговского, обращенную к Родине:

Я плоть от твоей плоти
и кость от твоей кости.
И если я много напутал, —
ты тоже меня прости.
Наполни приказом мозг мой
и ветром наполни рот,
Возьми меня в переделку
и двинь, грохоча, вперед!

Многое напутал Захар в своей судьбе: ушел из семьи, оставив жену Ефросинью с детьми, отрезал все пути к Мане Поливановой, от которой у него тоже растет сын. На что ему надеяться теперь? Куда податься? Обида на весь белый свет завладела его существом. Для него как будто изменились законы оптики и акустики: многокрасочность, многоголосие жизни представляются искаженно, замутненно, неверно. Между тем отношение односельчан к Захару после его административного падения даже улучшилось. Если раньше люди предосудительно глядели на его связь с Маней Поливановой, то теперь они вспомнили совсем другое: оказывается, на высоком своем посту бывший председатель не нажил себе ни хором каменных, ни чванливости не обрел. Но какое дело Дерюгину до того, кто и что о нем думает? Как высоким забором, отгородился он своим одиночеством от друзей и врагов.

Символично описание зимней метельной ночи, когда одинокий, отчаявшийся во всем и всех Дерюгин плутает возле сельсовета, в самом центре села. Он непоколебимо убежден, что забрел бог весть куда, далеко за деревню. Один на один с целым миром, с тем насмешливым, всесильным, неотступно следящим за ним, «что кружит его из стороны в сторону с завязанными глазами», — такова степень одиночества главного героя.

Что ж удивительного в том, что он, не в силах вынести нравственных страданий, решается на самоубийство?

Кабы знать ему: не так-то уж он и одинок, кабы ведать: не бесплотная и всесильная субстанция следит за ним с эфирных высот, а вполне реальные, земные, далеко не всесильные враги.

То, что не удалось Федору Макашину, о чем не раз сладостно грезил скрытый враг Анисимов, — то должно свершиться волею самого героя. В старом сарае, свободный от всех тягостей земных, даже от воспоминаний, развязывает он пеньковые вожжи, готовится перекинуть их через балку, пробует, крепка ли веревка. Еще минута-другая и...

Не в первый и не в последний раз в русской литературе возвращают душевные силы герою слабые дети. Вспомним хотя бы рассказ А. Платонова «Возвращение», где навсегда уезжающий от семьи капитан Иванов вдруг замечает бегущих за поездом своих детей.

Нечто подобное происходит и с Захаром. Его разговор с сыном Иваном, внешне ничего не значащий, полон глубокого подтекста, суть которого — преображение героя. Точно горная лавина, рухнула вдруг казавшаяся непреодолимой преграда, отделявшая его от остальных. С заоблачных высей самолюбия и собственного интереса пал он на грешную землю и, как мифический титан, преобразился. Да он, оказывается, не своим, не мужицким занимался делом. Он же исконный земледелец, сеятель, оратай, для него вся правда — в земле, в зерне, а ведь «ничего нет в мире крепче силы зерна, и его слабый, немощный росток оказывается сильнее самого твердого камня».

Метаморфоза Захара Дерюгина при всей ее необычности являет собой прообраз той беспримерной переделки социальных устоев, которая захватила все слои советского общества накануне второй мировой войны. Еще пели победные оркестры на Магнитке, Сталинградском тракторном, Днепрострое, а уж с Запада прорывалась временами другая, железная, страшная музыка.

Война страшна была не только разрушением красоты, не только насилием над духом и плотью, не только смертью всего живого, будь то человек, птица, зверь или растение. Война грозила уничтожением исторической общности людей, которая есть советский народ. И сам народ понял это. На бой с супостатом «шли мужики в восковой силе; сдвинулась с места самая хребтина России, испокон веков именно на ней держалось хозяйство, и молодой, буйной порослью поднимались дети, и если бы кто мог в эти дни хоть накоротке окинуть

бесчисленные дороги России, не по себе стало бы ему от этого непрерывного повсеместного движения, даже в самой хаотичности которого проступало нечто грозное, не поддающееся определению и исчислению».

Любовь и ненависть, добро и зло, трусость и героизм — весь этот круг основополагающих проблем бытия, очерченный ранее П. Проскуриным для своих героев, оказался вдруг на свету мирового пожара.

Суровый лик военного времени передан взаимодействием огромных людских потоков, сцеплением совокупных духовных сил, не подвластных одному отдельно взятому человеку. Но именно поэтому каждый отдельный человек, будучи вовлечен в круговорот всемирной истории, становится ее олицетворением.

Пламень войны высветил не только самые потаенные уголки души человеческой. Тревожные грозные тени простерлись в глубь пространств России, в глубь ее истории.

На протяжении долгих веков Смоленск не раз становился той твердыней, о которую разбивались иноземные волны. Кровавое сражение под Смоленском в июле 1941 года и двухлетняя осада города польско-литовскими захватчиками в самом начале XVII века — это сопоставление призвано дать ключ к пониманию концепции П. Проскурина о роли народа в истории, о связи времен.

Главный герой эпопеи П. Проскурина — народ, творящий историю. Как бы далеко ни стояли друг от друга могучие стволы разных исторических эпох, корни их тесно переплетены в земле. Пусть каждый из нас, взятый в отдельности, смертен, но любой наш пример отваги, героизма, любви, доброты обогащает нравственный опыт бессмертного народа.

На протяжении всей эпопеи Проскурин размышляет о вселенском предназначении человека, об изначально заложенном в нас добре, которым лучшие из нас готовы — пусть ценою страданий! — одарить своих собратьев. Во имя этой цели герои Проскурина — плоть от плоти великого народа — решаются даже в одиночку биться с косностью, как это делает Николай, сын Захара. Над источником этого былинного могущества, этого титанического переизбытка сил до сих пор ломают голову западные философы, рассуждающие о «русской загадке» и «русской душе», недоумевающие, как этот народ, переживший в краткий исторический срок несколько войн и революций, потерявший десятки миллионов сограждан, обескровленный, — как этот народ смог выстоять, выжить, очистить мир от фашистской заразы и в довершение ко всему — проникнуть в тайны звездной материи, первым покорить космос. История родового древа Дерюгиных дает исчерпывающие ответы на любые вопросы такого свойства.

Полтора десятка лет назад один из самых образованных людей России, философ и энциклопедист Владимир Одоевский писал:

«При всяком происшествии будем спрашивать себя, на что оно может

быть полезно, но в следующем порядке:

- 1-е, человечеству,
- 2-е, родине,
- 3-е, кругу друзей или семейству,
- 4-е, самому себе.

Начинать эту прогрессию наизворот есть источник всех зол, которые окружают человека с колыбели. Что полезно самим нам, то, отражаясь о семейство, о родину, о человечество, непременно возвратится к человеку в виде бедствия».

Вот почему Проскурин многократно подтверждает необходимость бескорыстного служения общественным идеалам, необходимость отвечать не только за собственные поступки, но, если понадобится, за всю земную цивилизацию. Трагедия в Чернобыле лишь подтвердила неодолимость и пророчества Одоевского, и постулатов Проскурина, нашего современника.

Возвращаясь к спорам о Захаре Дерюгине и кротким героям «деревенской прозы», типичным лишь в «узковедомственных», «географических» пределах — Сибири, Вологодчины, Алтая, полезно, быть может, вспомнить известное размышление Максима Горького: «Платон Каратаев и Калиныч несомненно русские мужики, но это мужики центральной, московской Руси, а такие типы «смирных людей» очень редки на Волге, едва ли возможны в Сибири, их нет на Украине. И. А. Бунин очень верно, очень умело пишет орловского мужика, но для Верхнего и Среднего Поволжья этот тип почти неправда — психику волжанина наилучше уловил Короленко в лице Тюлина. «Мужики» Чехова — правдивый, этнографический очерк, да, около Москвы — в Калуге, Туле, Орле — этикие фигуры не редкость и очень естественны, но разве похожи на них вологжане, новгородцы, поморы? У нас на Руси не было и нет еще такого единства социальных, политических и, словом говоря, культурных условий, которые позволили бы нам создать единодушные, выработать твердый, определенный тип русского человека, русского мужика».

Однако именно такой «твердый, определенный тип» русского человека представлен в проскуринской эпопее. Главное ее достоинство — общенациональность поставленных и разрешаемых проблем, многоплановое исследование коренных противоречий и закономерностей эпохи, философское осмысление сложнейших процессов истории, немислимых без самосозидающей, животворящей памяти.

Взяв традиционную в литературе тему, Петр Проскурин наполнил ее новым содержанием. Тот, кто захочет упрекнуть автора в переизбытке горя, ненависти, крови, смертей на страницах эпопеи, пусть прежде всего задумается, во имя чего герои принимают крестную муку испытаний. Во имя созидания самой жизни, во имя утверждения добра. «Нет, этот мир не шутка, не юдоль испытания только и перехода в мир лучший, вечный, а это один из вечных

миров, который прекрасен, радостен и который мы не только можем, но должны сделать прекраснее для живущих с нами и для тех, которые после нас будут жить в нем», — писал Лев Толстой.

Своеобразие эпопеи Проскурина — в нравственно-философском исследовании глубин жизни, в поиске новых художественных форм для решения задачи гармоничного преображения мира.